ХРИСТИАНСКИЙ ХРАМ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И КОЛЛИЗИЯ ДВУХ КОНЦЕПЦИЙ ГОРОДА

Н. И. Сазонова
Томский государственный педагогический университет, Россия
nataly-sib@mail.ru

Целью статьи является определение особенностей взаимодействия сакрального пространства храма и городского пространства в истории и современности. Эти особенности определяются космическим характером христианства: храм является не только местом пребывания Бога, но и средством сакрализации мира. В статье рассматриваются подходы к такой сакрализации у христиан Запада и Востока в период Средневековья. В западной традиции космизм храма проявляется в отсутствии ограждения, разделяющего мирское и сакральное пространства города, а также в особом украшении внешних стен храма (при лаконичности внутреннего убранства) фигурами Христа и святых. В декоре фасадов храма можно встретить и изображения мирской реальности: так она интегрирована в Священную реальность и подчинена ей. Похожим образом развивалась тема границы храма и мира на христианском Востоке. В Константинополе, например, храм Богоматери Фаросской, где хранились все важнейшие христианские реликвии, входил в архитектурный ансамбль императорского дворца. Пространство дворца одновременно было пространством богослужебных процессий. Подобный подход к границе между сакральным и профанным был заимствован христианской Русью. Характерен ансамбль Десятинной (Успенской) церкви Киева. Из летописных текстов известно о наличии при храме площади. Рядом с храмом строились здания для клира и княжеские хоромы. Этот ансамбль не отделялся от городского пространства. Иной становится ситуация в Новое время, когда постепенно меняется сама идеология градостроительства. Архитектурные решения в области храмового зодчества адаптируются к представлению о городе как о пространстве жизни человека. Однако на Западе и на Востоке адаптация пошла разными путями. В Европе были найдены решения, позволяющие храму найти своё место в обновлённой городской среде и продолжить выполнять функцию освящения. Так, площадь Святого Петра в Риме (1656–1667), будучи частью пространства города, стала средством воздействия на городское пространство. Иной оказалась ситуация в России. Здесь произошёл резкий переход от средневековой градостроительной традиции к регулярному городу. Концепция регулярного городского пространства была взята за основу идеологии строительства Петербурга. Со второй половины XVIII в. на первый план выходят функции города как административного и экономического центра. Освящающая функция христианского храма входит в противоречие с новым пониманием города. Поэтому его территория начинает выделяться из городского пространства при помощи ограды. С XIX века появляется законодательный запрет на возведение построек рядом с церквями. Однако культурная изоляция препятствует церкви выполнять функцию освящения окружающего пространства. Отдельные элементы сакральной топики длительное время сохраняли старые русские города, например, Москва. Но общая тенденция к выделению для духовной составляющей определённого места в городской среде приводит к постепенному размыванию представлений

о сакральности городского пространства. Позже древнее представление об освящающей функции христианского храма уже напрямую сталкивается с видением города как административного, экономического, образовательного центра. В сознании людей разрушается понимание смыслов существования города. На месте традиционных смыслов не возникли новые, не появилось понимание их роли в существовании города; поэтому при разрушении старой градостроительной традиции новая традиция так и не возникла.

Ключевые слова: христианство, храм, сакральное пространство, город, Средневековье, Новое время, регулярный город.

CHRISTIAN CHURCH IN URBAN SPACE: THE TWO CONCEPTS OF THE CITY

Natalia Sazonova
Tomsk State Pedagogical University, Russia
nataly-sib@mail.ru

A Christian church informs a special space separated from the secular world. At the same time, the space of a church and the secular space do communicate. The channels and the ways of this communication depend on the basic attitudes embedded in religion itself. Christianity, in particular, is known for its cosmic nature. A church is not only a seat of God, but also a means to sanctify the world. In the Western tradition, the cosmism of a church was manifested in the absence of barriers separating the secular and sacred spaces of the city, as well as in particular attention to the decoration of the external walls of a church with divine and saintly figures, whereas the interior received but frugal decoration. Mundane imagery can also be found in the decoration of the facades. Worldly reality was thus integrated into the sacred space and was subordinate to it. In the Christian East, the development of the boundaries separating a church and the world followed similar ways. In Constantinople, in particular, the Church of the Virgin of the Pharos, where most important Christian relics were kept, had particular significance as a model. It was part of the architectural ensemble of the Imperial Palace. The territory of the Palace was also a place of liturgical processions. The Byzantine approach to delineate the borders between the sacred and the profane was emulated in Medieval Russia. The importance of a church square is known from chronicles. The buildings for the clergy as well as princely mansions were built near churches. However, such ensembles were carefully integrated in the urban space. Thus, in a Medieval city, a church was not just a place of hierophany, but it also consecrated its whole territory. The situation changed with the advent of Modernity, when the principles of urban planning were gradually reconsidered. Architectural features of the design of churches were increasingly adapted to the idea of a city as a space for habitation. However, these adaptations in the West and in Russia have taken different directions. In Europe, diverse solutions have been found that allowed churches to find their proper places in renewed urban environments and continue their function of sanctifying the world. Take, for example, St. Peter's square in Rome, in front of the Cathedral dedicated to

the Apostle (1656–1667). As an integral part of the urban space, this square clearly contributes to the sacralization of the city. However, the situation in Russia was different. It was characterized by a sharp transition from the Medieval town-planning tradition to a principle of a secular rationally planned city. The concept of regularly structured urban space was taken as the basis for the construction of St. Petersburg, the new Russian capital city since the 18th century. The functions of the administrative and the economic center of the country were clearly given preference in the overall design of the city. The consecrating mission of Christian churches did not fit this new conception of a city. Therefore, it is only logical that we often see here the church grounds encircled with fences to isolate them from the urban space. Since the 19th century the construction of buildings next to churches was plainly forbidden. Driven by the natural need for self-preservation and spiritual survival in the increasingly foreign urban milieu, this cultural isolation prevented the Church from performing its function of consecrating the urban territory. Although some elements of sacred cityscapes survived in ancient Russian cities, such as Moscow, the general tendency to phase out spiritual components of the city gradually lead to complete secularization of urban spaces. The spiritual dimension of the city has almost disappeared from the minds of urban populace. While the ancient town-planning tradition is gone, a new one is yet to emerge.

Keywords: Christianity, church, temple, sacred space, city, Middle Ages, Modernity, regular city.

Место христианского храма в современном городе всё чаще становится как предметом общественных дискуссий, так и объектом научного анализа. Духовные ценности отражаются, прежде всего, в пространстве, которое человек обустраивает вокруг себя. К числу таких пространств относится и город. Ведущая роль христианских храмов в городах средневековой Европы и Руси отмечается в работах как российских, так и зарубежных исследователей: М. Н. Скабаллановича [Скабалланович 1910], А. П. Голубцова [Голубцов 1913], Д. Болдуина [Baldovin 1987], Р. Жанена [Janin 1966], Х. Матеоса [Матеос 2010], Р. Ф. Тафта [Тафт 2000].

Храм, в том числе христианский, является, по терминологии М. Элиаде, местом иерофании, то есть явления Священного. Это особое пространство, выделенное из мирского, а во многих случаях – отделённое от него. Вместе с тем пространство храма как таковое окружено пространством «мира», помещено в него. Поэтому в процессе функционирования храма происходит взаимодействие с мирским компонентом. Характер и способы такого взаимодействия зависят от базовых установок религии. В частности, специфика христианства обусловила особое место церкви в организации и структурировании городского пространства.

Храм и освящение Космоса

Папа Римский Бенедикт XVI (Йозеф Ратцингер) отмечает важнейшую особенность христианского храма в отличие от иудейской синагоги и Храма

в Иерусалиме. И Храм, и синагога в разной степени являются местами земного присутствия Бога. В Храме это проявляется наиболее ярко, вплоть до описанных в Священном Писании видимых проявлений славы Божией. В синагоге (молитвенном доме) хотя и не совершаются жертвоприношения, но имеется свиток Торы и «седалище Моисеево» – место, с которого раввином произносятся поучения. Он «актуализирует слово Божие», направленное народу через пророка [Ратцингер 2017, 70]. При совершении молитвы иудеи обращаются в сторону Храма и Иерусалима – «дома Божия» на земле, места иерофании.

Совершенно иной становится ситуация с появлением христианства. Если первые христиане, как известно, ещё посещали Храм, то после его разрушения религия окончательно приобрела своего рода космический характер. Это, в частности, проявляется в обращении при молитве не в сторону конкретного места иерофании, а на восток, «навстречу встающему солнцу». Но это не культ Солнца, которое является только символом. При помощи него, по словам папы Бенедикта, «Космос говорит о Христе»: «На Него теперь указывает песнь о солнце из псалма 18, где сказано: “Оно [солнце] выходит, как жених из брачного чертога своего <…> от края небес исход его и шествие его до края их <…>” (стих 6 сл.). От прославления творения этот псалом непосредственно переходит в похвалу закону. Теперь это толкуется из Христа, Который есть Слово живое, вечный Логос и потому истинный свет истории, который изошёл в Вифлееме из брачного чертога девственной Матери и освещает теперь весь мир» [Ратцингер 2017, 74].

В этом суть миссии христианского храма, призванного не столько быть местом иерофании (присутствие Бога – повсюду в мире), сколько освящать, то есть преобразовывать мир на христианских началах. Поэтому храм изначально интегрирован в мирскую реальность, хотя и выделен из неё. Эта черта едина в первые века христианства для Запада и Востока. По словам папы Бенедикта, «Космос участвует в молитве, он тоже ждёт искупления. Именно это космическое измерение существенно для христианской литургии. Оно никогда не происходит лишь в самодельном мире человека. Оно всегда есть космическая литургия – тема творения включена в христианскую молитву» [Ратцингер 2017, 76].

В западной традиции космизм храма проявляется в отсутствии ограждения, разделяющего мирское и сакральное пространства города, а также в особом украшении именно внешних, соприкасающихся с миром, стен храма (при лаконичности внутреннего убранства) фигурами Христа и святых. Наряду в ними в декоре фасадов храма можно встретить и изображения мирской реальности, как, например, на западном фасаде церкви Сен-Дени, где изображены символы месяцев года, связанные с календарными полевыми и сельскохозяйственными работами. При этом летние месяцы представлены изображением крестьян, ноябрь – сценой забоя свиней [Ювалова 1977, 26; Тюрикова 2012]. Интересно, что изображения мирской жизни помещены на пилястрах портала. Они как бы сходятся к тимпану, на котором изображён Страшный Суд (рис. 1). Таким образом, мирская реальность интегрирована в Священную и подчинена ей.

Рис. 1. Портал базилики Сен-Дени. Деталь
Источник: https://www.liveinternet.ru/users/5679659/post403108740/

Похожим образом развивалась тема границы храма и мира на христианском Востоке. О. Е. Этингоф отмечает рельефы на стенах храмов как характерную черту византийского храмового зодчества. На стенах некоторых храмов представлены не просто элементы мирской реальности, но даже атрибуты языческой религии. Так, церковь Богоматери Скоропослушницы в Афинах (конец XII в.) имеет не только рельефы с изображением персонажей греческой мифологии (например, сатиров), но даже образ языческой богини Афины на троне, который понимается как параллель образу Богоматери. Это, как указывает О. Е. Этингоф, имело определённые основания в истории Афин, где Парфенон – главный храм – с VI в. стал христианской церковью [Этингоф 2018, 202].

Особо тщательно были разработаны приёмы освящения пространства в Константинополе, городе – иконе Иерусалима. По словам А. М. Лидова, «Константинополь мыслился как святой град, Второй Иерусалим – ожидаемое место Пришествия. Именно так он описывается средневековыми паломниками, которые двигались в городе от святыни к святыне как в некой пространственной иконе, священный смысл которой был гораздо важнее архитектурно-археологических реалий» [Лидов 2009, 69]. Особое значение имел храм Богоматери Фаросской, где хранились все важнейшие христианские реликвии. Он входил в архитектурный ансамбль императорского дворца. «С севера к церкви Богоматери Фаросской примыкали императорские жилые покои. Также с севера особой архитектурной пристройкой к нартексу храм соединялся с дворцовой сокровищницей. Поблизости от храма находились небольшие церкви-приделы Св. Ильи и Св. Климента, построенные Василием I (867–886), и церковь Св. Димитрия, воздвигнутая несколько позже Львом Мудрым (886–912)» [Лидов 2009, 71–72]. Пространство дворца одновременно было и пространством богослужебных процессий. Всего же при дворце находилось около 30 храмов.

Подобный подход к границе между сакральным и профанным был заимствован и Русью после принятия христианства. «Повесть временных лет» отмечает строительство храмов в качестве первого и важнейшего дела как русских князей, принимавших христианство, так и крестителя Руси, князя Владимира: по словам летописца, Владимир «повеле рубити церькви и поставляти по местом, идеже стояше кумиры. И постави церковь святаго Василья на холме, идеже стояше кумири – Перун и прочии, идеже требы творяху князь и людье. И нача ставити по градом церкви и попы, и людие на кресщение приводити по всем градом и селом» [Творогов 1997, 163].

Масштаб такого строительства известен по летописным источникам и данным археологии. Так, по сведениям западных хронистов, в Киеве начала XI в. имелось от 400 до 1000 храмов, как деревянных, так и каменных. Все эти церкви, очевидно, не отделялись от городского пространства какими-либо оградами. Наиболее характерен ансамбль Десятинной (Успенской) церкви Киева. Из летописных текстов известно о наличии при храме площади. Рядом с храмом, образуя с ним единый ансамбль, строились здания для клира и княжеские хоромы. Этот ансамбль не отделялся от городского пространства и «свободно сливался» [Трёхбратов 2016, 94] с рыночной площадью, где князь Владимир поставил вывезенные им из захваченной Корсуни «медяне 2 капищи, и 4 коне медяны» [Творогов 1997, 161].

Рис. 2. Рельефы Дмитриевского Собора во Владимире
Источник: https://azbyka.ru/palomnik

Показательна архитектура Дмитриевского собора во Владимире (XII в.), стены которого, подобно храмам христианского Запада, украшены барельефами, большей частью представляющими реальность мира, в том числе языческого. В этой связи характерно изображение, называемое «Вознесением Александра Македонского на небеса». На нём царя Александра Македонского возносят на небо два грифона. По мнению тог-

дашних христиан, Александр являлся объединителем мира и одним из первых носителей идеи сакральности власти. Грифоны же, как царственные птицы, символизировали Христа. Наряду с образами святых здесь изображён также строитель храма – князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо с сыновьями (рис. 2). Множество рельефов представляют животных, растения [Гладкая 2006].

Таким образом, в средневековом городе храм – не просто место иерофании, но способ освящения пространства. Иной становится ситуация в Новое время, когда постепенно меняется сама идеология градостроительства.

Храм и «земной Рай»

С XVI столетия постепенно начинается секуляризация и культуры, и градостроительной традиции. На Западе эти изменения проявляются как активная экспансия «міра» в пространство сакрального, обмирщение. Т. М. Сорокина называет одним из авторов нового видения города деятеля Возрождения *Л.* Б. Альберти, который впервые поставил вопрос о новой цели градостроительства – служении интересам человека. «Альберти был фактически провозгласителем основных принципов городского ансамбля Возрождения. Соотношение пространства перед зданием и его высотой, гармония архитектурных масштабов главных и второстепенных сооружений составляли основу эстетических принципов градостроителей Ренессанса» [Сорокина 2015, 43–44]. Эти же принципы легли в основу концепции «регулярного города» в отличие от города как сакрального текста.

При этом архитектурные решения в области храмового строительства начинают адаптироваться к новому видению города как пространства жизни человека. Наиболее удачные из них позволяют храму найти своё место в обновлённой городской среде и продолжить выполнять свою функцию освящения мира. Такова, в частности, площадь Святого Петра в Риме перед собором, посвящённым апостолу (1656–1667). Архитектор Дж. Бернини, упорядочив пространство перед собором, на месте средневековой хаотичной застройки создал площадь в форме «ключа святого Петра», органично связанную с главным храмом католического мира [Михайлова 1999]. Фактически площадь стала продолжением храма, расширив его пространство. Именно на этой площади собираются верующие, чтобы выслушать обращения Папы Римского. Будучи частью пространства города, площадь стала средством его освящения, воздействия на городское пространство. Характерно, что полукруглые колоннады по её сторонам сравнивают с «руками» собора, которыми он охватывает собравшуюся толпу верующих [Mormando 2011, 204; Hibbard 1965, 156].

Иной оказалась ситуация в России. В отличие от Запада, здесь произошёл достаточно резкий переход от средневековой градостроительной традиции к регулярному городу. Рубеж, который проходит идеология городского пространства, наиболее ярко виден в период реформ Петра I, когда концепция регулярного городского пространства была взята за основу идеологии строительства Петербурга, новой столицы России. С одной стороны, смысл названия города связан с именем апостола Петра, небесного покро-

вителя царя – основателя новой столицы. Известно также, что Пётр I часто называл Петербург «Парадизом», или раем на земле. А по христианской традиции апостол Пётр имеет ключи от Рая. Но что же это за Рай?

Показательно, что название новой столицы России звучит на немецком, а не на русском языке, как и многие другие топонимы петровского времени. В частности, современные исследователи отмечают, что, захватив в 1702 г. шведскую крепость Нотебург («ореховая крепость», русск. Орешек), Пётр I переименовал её в Шлиссельбург («ключ-город»). Шлиссельбург, подобно ключу, открывал дорогу на Балтику, а значит – в Европу, к достижениям западной культуры, овладение которыми и становится новым смыслом существования города. Как подчёркивает В. Н. Яранцев, «образ “Врата Рая” мог пониматься профанически как географический: Рай за морями на Западе (в русской традиции Рай на Востоке!), а для посвященных – как символический: Раем будет новая, ныне созидаемая Россия» [Яранцев 2016, 113]. Символом новой России и становятся топонимы, подчёркивающие новый характер города, его переустройство на началах светской культуры.

Со второй половины XVIII века на первый план выходят функции города как административного и экономического центра. Екатерина II в «Жалованной грамоте городам» утверждает, что «предки российские славяне, от славных подвигов и самое название свое получившие, где только досягала победоносная рука их, оставляли следы свои созиданием градов, именами славянскаго языка украшенных, до ныне сие соблюдших, и насаждением в оных торговли, до самых отдаленных краев тогда известных разпространенной. Всероссийские самодержцы от самых древних лет с разширением пределов владычества их и с умножением народным умножали и число городов, дая в них безопасное пристанище торгу и рукоделиям» [Екатерина 1830, 358]. Как видим, о городе как сакральном пространстве не упоминается вовсе.

Каково же место храма в секуляризованном «пристанище торга и рукоделий»? Понятно, что освящающая функция христианского храма входит в противоречие с новым пониманием города. Если ранее пространство города было с ценностной точки зрения более или менее однородно и ориентировано на освящающие его храмы, то теперь сакральное, вошедшее в противоречие с новым видением города, начинает подвергаться специальной регламентации, маркироваться и выделяться.

Ярким примером здесь является Санкт-Петербург, новая столица России. Уже с начала XVIII в. здесь формируются новые подходы к выделению церковного пространства из городской среды (рис. 3). Исследователи отмечают, что первые православные храмы города строились «поодаль от <...> рядовой застройки». С. В. Крылова указывает, что даже когда храм находился близ жилых домов, «застройка примыкала не тесно, воздушно, нередко образуя каре вокруг храма или сквозной участок между двумя параллельными улицами» [Крылова 2014, 29–30]. Так формируется особое пространство внутри секуляризованного города.

С XIX столетия такой подход уже фиксируется законодательно. Согласно указу Александра I, запрещается строить церкви даже в сёлах «иначе, как на площадях, среди же обывательских домов построение оных воспре-

щается» [Александр 1830, 911]. Указ императора Николая I предполагает строительство церквей на площадях или, пре невозможности, «на больших проезжих улицах», с тем чтобы «строения, как крестьянские, так и другие, не менее как в 20 саженях от всех сторон церквей были располагаемы» [Николай 1831, 221]. Строительный устав 1881 года несколько менее строг: он предписывает не возводить никаких построек близ церковного здания на расстоянии менее 5 сажен [Устав 1881, 70]. Кроме запрета на жилые постройки близ храмов, запрещается строительство питейных заведений как нарушающих церковное благолепие.

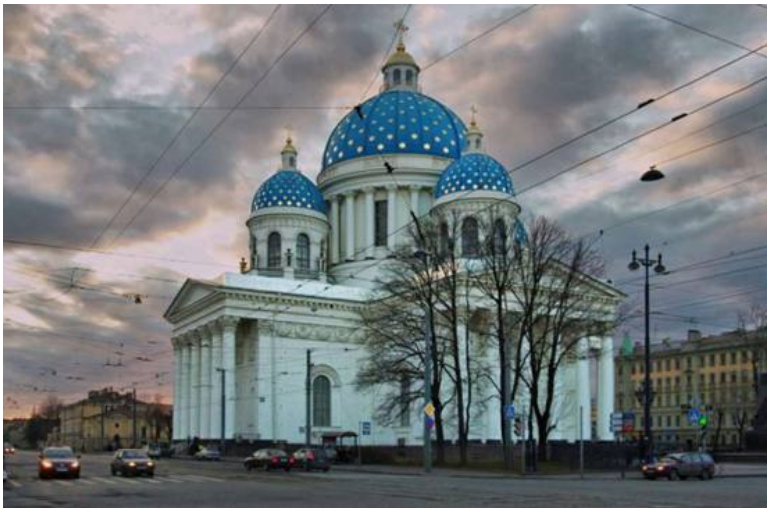

Рис. 3. Санкт-Петербург. Троицкий Измайловский собор
Фото с сайта храма: http://www.izmsobor.ru/ru/mediateka/subfoto1-2

Строительные уставы также требуют возведения каменных храмов, кроме исключительных случаев отсутствия у прихода материала, когда дозволялось строительство деревянной церкви [Устав 1881, 65–68]. Власти следили за внешним благолепием храмов, предписывали ликвидировать осыпание штукатурки на фасадах. А в первой трети XIX века появилась практика возведения храмов по типовым проектам, когда было издано «Собрание планов, фасадов и профилей для строения каменных церквей» [Пирожкова 2010, 299–300]. Таким образом, как видим, уже не храм освящает город, а внешняя среда предъявляет определённые требования к его облику. В то же время происходит выделение храмовой территории из пространства города и определённое отделение её от профанного пространства. Закономерным в этой связи оказывается распространение церковных оград, дополнительно маркирующих святость места расположения храма. Однако такая культурная изоляция приводит к тому, что церковь перестаёт выполнять функцию освящения окружающего пространства, заложенную в неё в первые века христианства.

Постепенное отдаление от освящающей функции храма проявляется в подходе к расположению церквей в новом светском городе. Кроме уда-

лённости от жилых домов, которая становится общепринятой к XIX веке, можно отметить отсутствие единой концепции городского пространства с точки зрения его сакральности, в частности, в Петербурге, в отличие от более древних русских городов. С. В. Семенцов и Н. А. Акулова отмечают политическую, а не сакральную доминанту в формировании города, проходящего путь от «конгломерата сельских поселений, ведомственных слобод» до «полноценной столичной Санкт-Петербургской агломерации, структурно и территориально объединяющей город-ядро Санкт-Петербург, систему выходящих из него внешних ("вылетных") магистралей и проявившихся уже территорий, узлов и зон на этих магистралях» на началах «регулярности» планировки [Семенцов, Акулова 2018, 61].

Храм в таком городе играл роль скорее чисто архитектурной, чем духовной доминанты, формируя эстетически привлекательный визуальный образ улицы или района. С. В. Крылова обращает внимание на то, что храмы Петербурга строились «у рек, на открытых местах с хорошим обозрением». При этом первостепенное значение имело вписывание храма в окружающий ландшафт: например, вдали от мест городской застройки «красоту храма подчёркивал контраст барочной архитектуры и сочной зелени деревьев летом или шапок снега на ветвях зимой» [Крылова 2014, 29–30]. Весьма характерной деталью является то, что коронации русских императоров проводились не в Петербурге, лишённом сакрального центра, а в Москве, сохранившей старые градостроительные традиции и Кремль с Успенским собором как духовное сердце страны. Такой подход со стороны русских императоров, безусловно, говорит об определённой ущербности концепции регулярного города, не способной удовлетворить духовные потребности людей.

Именно поэтому элементы сакральной топики длительное время сохраняла не только Москва, но и другие русские города. Однако общая тенденция к выделению для духовной составляющей определённого «места» в городской среде приводит к постепенному размыванию представлений о сакральности городского пространства, а позже – к серьёзным противоречиям и внутрикультурным конфликтам, когда древнее представление об освящающей функции христианского храма сталкивается с видением города как административного, экономического, образовательного центра.

Примером может служить судьба храмов города Томска, духовным центром которого с XVII столетия являлась первая церковь – Троицкая. Посвящение храма связано с главной городской святыней – иконой Св. Троицы, которой благословил томских первостроителей царь Борис Годунов (1604). В течение нескольких веков город, таким образом, был «Домом Святой Троицы». К началу XIX века, когда деревянная Троицкая церковь обветшала, это понимание, очевидно, утратилось в общественном сознании. Вместо поновления первого томского храма, он был разобран. С 1811 года соборной становится Благовещенская, затем – Богоявленская церковь. Очевидно, что критерием выбора соборного (главного) храма здесь уже является целесообразность, удобство, вместительность, то есть практические соображения, а не вписанность храма в структуру сакрального пространства города. Более того, рядом с местом бывшей Троицкой церкви

в начале XIX в. власти выделяют место под строительство католического костёла, что также свидетельствует о постепенных изменениях в восприятии пространства города и его сакральной составляющей.

Рис. 4. Томск. Троицкий кафедральный собор
Источник: *Евтропов К. Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 1904.

Вместе с тем, в городе была жива и память о прежнем восприятии пространства города, и с образованием Томской губернии (1804) возникает инициатива строительства православного соборного храма. При этом актуализируется и историческая память о посвящении Томска Св. Троице. Но духовная ситуация в городе уже очень противоречива.

Для кафедрального собора выбирается окраина города, так называемая *Елань* [Евтропов 1905, 1–3, 58–59], что говорит о размывании понятий о сакральном центре города. Показателен и факт затягивания строительства собора на несколько десятилетий. За это время в городе сменилось 5 архиереев, основан университет. Но собор достроили только к 1900 году (рис. 4). Его история как главного храма Томска оказалась короткой, оборвавшись в 1930 году.

Несмотря на это, Троицкий собор самим фактом своего существования актуализировал память жителей города о сакральном центре Томска. Им становится Ново-Соборная площадь, позже переименованная в Площадь Революции, но сохранившая свои функции в плане формирования городского пространства. После революционных событий она стано-

вится центром общественной жизни Томска: здесь проходят демонстрации, митинги, советские праздники. Власть пытается провести в определённом смысле псевдосакрализацию центра города, подобно тому, как это было сделано в Москве. Здесь Кремль, перестав быть сакральным сердцем города (и страны), становится местом работы политического руководства, а также местом, где проводятся главные праздники, и одновременно – некрополем. Подобная псевдосакрализация происходит с Ново-Соборной площадью, где также появляются могилы героев революции, возникает представление об особой «святости» этого места для советского города.

Сложный и неоднозначный «диалог» между разными представлениями о городском пространстве продолжается, зачастую, в формате полемики вокруг строительства храмов, особенно там, где пространство хранит память о Священном. Особенно яркий пример – дискуссия 2017 г. вокруг строительства часовни на Ново-Соборной площади в Томске. Острота полемики была вызвана крайне сложным статусом площади в нынешнем Томске. Здесь сохраняется некрополь героев революции, но одновременно площадь – место отдыха горожан. При этом очевидно, что в исторической памяти сохранилось представление о сакральном центре города, которое, однако, не имея опоры в религиозных ценностях, вырождается в борьбу за «сохранение места отдыха горожан», которому часовня «будет мешать» функционировать. Всё это говорит о разрушении в сознании людей понимания исторических смыслов существования города. Однако на месте традиционных смыслов не возникли новые, не появилось понимание их роли в существовании города; поэтому при разрушении старой градостроительной традиции новая традиция так и не возникла.

БИБЛИОГРАФИЯ

Александр 1830 – *Александр I.* Именной <указ>, данный Управляющему Министерством полиции. 13 декабря 1817 г. С приложением дополнительных правил об устройстве городов и селений // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том 34. Санкт-Петербург, 1830. С. 908–913.

Гладкая 2006 – *Гладкая М. С.* Рельефы Дмитриевского собора во Владимире: опыт комплексного исследования. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата искусствоведения. Москва, 2006.

Голубцов 1913 – *Голубцов А. П.* Литургия в первые века христианства // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1913. Т. 2. № 7–8. С. 621–643. Т. 3. № 10. С. 332–356. № 12. С. 779–802.

Евтропов 1904 – *Евтропов К. Н.* История Троицкого кафедрального собора в Томске. Томск, 1904.

Екатерина 1830 – *Екатерина II.* Грамота на права и выгоды городам Российской Империи // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. Том 22. Санкт-Петербург, 1830. С. 358–384.

Крылова 2014 – *Крылова С. В.* Архитектурно-пространственные и композиционные особенности размещения храмов в Санкт-Петербурге и близлежащих уездах в XVIII – первой половине XIX вв. // Вестник Московского государственного строительного университета. 2014. № 3. С. 27–35.

Лидов 2009 – *Лидов А. М.* Иеротопия. Москва, 2009.

Матеос 2010 – *Матеос Х.* Служение Слова в византийской литургии: исторический очерк / Пер. с фр. С. Голованова. Омск, 2010.

Михайлова 1999 – *Михайлова М. Б.* Римский ансамбль Сан Пьетро как образец в европейском градостроительстве и его русские интерпретации XIX века // Итальянский сборник / Quaderni italiani. Вып. 1. Москва, 1999. С. 230–248.

Николай 1831 – *Николай I.* Высочайше утверждённое Положение для устроения селений // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. Том 5. Часть 2. Санкт-Петербург, 1831. С. 219–227.

Пирожкова 2010 – *Пирожкова И. Г.* Нормативное регулирование культового строительства в Российской империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып. 1 (81). С. 298–305.

Ратцингер 2017 – *Ратцингер Й.* Богословие литургии / Пер. с нем. О. С. Асписова. Москва, 2017.

Семенцов, Акулова 2018 – *Семенцов С. В., Акулова Н. А.* Основание Санкт-Петербургской агломерации при Петре I в 1703–1724 гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2018. Т. 20. № 6. С. 46–65.

Скабалланович 2010 – *Скабалланович М. Н.* Толковый Типикон: Объяснительное изложение Типикона с историческим введением. Вып. 1. Киев, 1910.

Сорокина 2015 – *Сорокина Т. М.* Предпосылки становления современных городов Западной Европы: краткий обзор градостроительных концепций от Ренессанса до 20-го века // Философия и культура. 2015. № 1 (85). С. 41–49.

Тафт 2000 – *Тафт Р. Ф.* Византийский церковный обряд. Краткий очерк / Пер. с англ. А. А. Чекаловой. Санкт-Петербург, 2000.

Творогов 1997 – Повесть временных лет / Пер., подг. текста, комм. О. В. Творогова // Библиотека литературы Древней Руси. Том 1. Санкт-Петербург, 1997. С. 62–315.

Трёхбратов 2016 – *Трёхбратов Б. А.* Десятинная церковь в Киеве – мать православных храмов на Руси // Культурная жизнь Юга России. 2016. № 3. С. 91–95.

Тюрикова 2012 – *Тюрикова Ю. М.* Календарные циклы и символы времени в памятниках ранней готики Франции: базилика Сен-Дени и собор Нотр-Дам де Пари // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». 2012. № 9. С. 110–122.

Устав 1881 – Устав строительный, изменённый по продолжениям 1876 и 1879 гг., с разъяснениями по решениям Уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената и приложением циркуляров Министерства внутренних дел и позднейших узаконений. Санкт-Петербург, 1881.

Этингоф 2018 – *Этингоф О. Е.* Рельефная декорация церковных фасадов византийского мира // Искусство Евразии. 2018. № 2 (9). С. 199–211.

Яранцев 2016 – *Яранцев В. Н.* Читать Петербург // Вестник современной науки. 2016. № 9 (21). С. 112–117.

Baldovin 1987 – *Baldovin J. F.* The Urban Character of Christian Worship. The Origins, Development and Meaning of Stational Liturgy. Roma, 1987.

Hibbard 1965 – *Hibbard H.* Bernini. London, 1965.

Janin 1966 – *Janin R.* Les Processions Religieuses a Byzance // Revue des Etudes Byzantines. 1966. № 24. P. 69–88.

Mormando 2011 – *Mormando F.* Bernini: His Life and His Rome. Chicago, 2011.

REFERENCES

Alexander 1830 – Alexander I. Personal decree given to the Manager of the Ministry of police. December 13, 1817. *Complete collection of the Russian Empire laws. First Collection*. Vol. 34. St. Petersburg, 1830. P. 908–913. In Russian.

Baldovin 1987 – Baldovin J. F. The Urban Character of Christian Worship. The Origins, Development and Meaning of Stational Liturgy. Roma, 1987.

Catherine 1830 – Catherine II. The Charter on the rights and benefits for the cities of the Russian Empire. *Complete collection of the Russian Empire laws. First Collection*. Vol. 22. St. Petersburg, 1830. P. 358–384. In Russian.

Charter 1881 – Construction Charter. St. Petersburg, 1881. In Russian.

Etingof 2018 – Etingof O. E. Embossed decoration of Church facades of the Byzantine world. *Art of Eurasia*. 2018. 2 (9). P. 199–211. In Russian.

Evtropov 1904 – Evtropov K. N. History of the Trinity Cathedral in Tomsk. Tomsk, 1904. In Russian.

Gladkaya 2006 – Gladkaya M. S. Reliefs of St. Demetrius Cathedral in Vladimir. Dissertation abstract. Moscow, 2006. In Russian.

Golubtsov 1913 – Golubtsov A. P. Liturgy in the first centuries of Christianity. *Theological Herald.* 1913. Vol. 2–3. In Russian.

Hibbard 1965 – Hibbard H. Bernini. London, 1965.

Janin 1966 – Janin R. Les Processions Religieuses a Byzance. *Revue des Etudes Byzantines*. 1966. 24. P. 69–88.

Krylova 2014 – Krylova S. V. Architectural, spatial and composite features of the temples location in Saint-Petersburg and the surrounding counties in the 18th – 1st half of 19th centuries. *Scientific and Engineering Journal for Construction and Architecture.* 2014. 3. P. 27–35. In Russian.

Lidov 2009 – Lidov A. M. Hierotopy. Moscow, 2009. In Russian.

Mateos 2010 – Mateos J. La célébration de la Parole dans la liturgie byzantine. Etude historique. Transl. into Russian by S. Golovanov. Omsk, 2010. In Russian.

Mihailova 1999 – Mihailova M. B. Roman ensemble San Pietro as a model in European urban planning and its Russian interpretations of the 19th century. *Italian collection* / *Quaderni italiani.* Vol. 1. Moscow, 1999. P. 230–248. In Russian.

Mormando 2011 – Mormando F. Bernini: His Life and His Rome. Chicago, 2011.

Nicholas 1831 – Nicholas I. Charter to device of the villages. *Complete collection of the Russian Empire laws. Second Collection*. Vol. 5. 2. St. Petersburg, 1831. P. 219–227. In Russian.

Pirozhkova 2010 – Pirozhkova I. G. Standard regulation of cult building in the Russian Empire. *Tambov University Review. Series Humanities*. 2010. Vol. 1 (81). P. 298–305. In Russian.

Ratzinger 2017 – Ratzinger J. (Pope Benedict XVI). Theologie der Liturgie. Die sakramentale Begründung christlicher Existenz. Transl. into Russian. Moscow, 2017. In Russian.

Sementsov, Akulova 2018 – Sementsov S. V., Akulova N. A. Saint-Petersburg foundation under Peter I in 1703–1724. *Journal of construction and architecture.* 2018. Vol. 20. 6. P. 46–65. In Russian.

Skaballanovich 1910 – Skaballanovich M. Explanatory Typicon. Vol. 1. Kiev, 1910. In Russian.

Sorokina 2015 – Sorokina T. M. Prerequisites for the formation of modern cities in Western Europe: a brief overview of urban planning concepts from the Renaissance to the 20th century. *Philosophy and culture.* 2015. 1 (85). P. 41–49. In Russian.

Taft 2000 – Taft R. F. The Byzantine church rite. Short essay. Transl. into Russian by A. Chekalova. St. Petersburg, 2000. In Russian.

Trekhbratov 2016 – Trekhbratov B. A. Tithe Church in Kiev – the mother of Orthodox churches in Russia. *Cultural life of the South of Russia*. 2016. 3. P. 91–95. In Russian.

Tvorogov 1997 – The Tale of Bygone Years / Ed. by O. Tvorogov. *Library of Literature of Old Russia*. Vol. 1. St. Petersburg, 1997. P. 62–315. In Russian.

Tyurikova 2012 – Tyurikova Y. M. Calendar cycles and symbols of time in the monuments of early Gothic France: Basilica of Saint-Denis and Notre-Dame de Paris. *Sociosfera Centrum. Collections of conferences.* 2012. 9. P. 110–122. In Russian.

Yarantsev 2016 – Yarantsev V. N. Read St. Petersburg. *Bulletin of the modern science*. 2016. 9 (21). P. 112–117. In Russian.

Материал поступил в редакцию 05.09.2019,
принят к публикации 23.10.2019

Для цитирования:
Сазонова Н. И. Христианский храм в городском пространстве и коллизия двух концепций города // Визуальная теология. 2019. № 1. С. 55–69.
DOI: 10.34680/vistheo-2019-1-55-69

For citation:
Sazonova N. I. Christian Church in Urban Space: The Two Concepts of the City. *Journal of Visual Theology*. 2019. 1. P. 55–69.
DOI: 10.34680/vistheo-2019-1-55-69